Чжан медленно подошла к кабинету, увидев, что за пределами кабинета все еще стояли горничные, она подметала глазами, и эти горничные отступили с пониманием.

Нажав на дверь, она осторожно вошла.

"Разве я не говорил, что никому не нужно меня беспокоить?" Голос был не громким, но он выявил чувство власти.

"Отец". Чжан мягко кричал.

Услышав, что это был голос Чжана, государственный аббат медленно поднял голову.

Он не мог позволить себе выйти из себя с этой невесткой, с тех пор как она вышла замуж в доме, Чжан всегда соблюдал женские обычаи, она потеряла собственную жену в раннем возрасте, и именно она поддерживала порядок в доме, и ей приписывали королевский дом.

Увидев, что тесть так на нее смотрел, Чжан опустился на колени: "Отец, слова Яозу сегодня были неуместны и разозлили отца, надеюсь, отец простит меня".

"Вставай, это не твое дело, если он ошибался, он должен взять вину на себя, зачем втягивать тебя в это."

Чжан не встал и продолжил: "Хотя невестка не знает, из-за чего злится отец, но злиться всегда вредно для здоровья, сестра не рядом с тобой, если сестра знает, она наверняка разобьется, отец, не стоит злиться".

После нескольких слов, лицо аббата выглядело намного лучше.

Женат, как и в Доме в течение стольких лет, темперамент тестя, Чжан все еще знал, но всякий раз, когда она сталкивалась с трудным делом, ей приходилось только упоминать Императрицу, о которой упоминался дух.

"Вставай, не вставай на колени, земля холодная, пусть подопечные это увидят, они подумают, что я тебя преследую." Сказав это, аббат встал.

Чжан медленно встал и с улыбкой сказал: "Мы разозлили отца, это правильно, что отец должен ругать".

Видя, что ее тесть больше не злится, Чжан осмелился улыбнуться.

"Увы, если бы твоя сестра была в этом доме, мы с этим мятежным сыном не стали бы такими."

Аббат сказал с вздохом.

Чжан поспешно поднял руку и мягко сказал: "Отец не может сказать, что если бы сестра сейчас была в доме, то где были бы два императорских сына? Посмотрите на двух сыновей императора сегодня, это все нефритовые деревья, способные как в литературе, так и в боевых искусствах, независимо от того, кто из них упоминается, кто не отдает им больших пальцев".

Думая о первом принце, а затем о втором принце, старик начал радоваться.

"Ты единственный, кто может заставить меня смеяться, заниматься своими делами, я уже в порядке". Старый хозяин сказал, и пошел в сад.

Только тогда Чжан издал вздох облегчения и снова вошел в спальню.

Видя, что госпожа вернулась так быстро, сердце Ван Яозу поднялось с намеком на беспокойство, и он не мог не спросить с тревогой: "Отец все еще сердится?".

"Больше не сердился, пошел в сад, чтобы отдохнуть". Когда Чжан закончила говорить, она пошла за Ван Яозу и начала массировать его плечи.

"Отцовский темперамент становится все более эксцентричным, и во всем особняке только ты можешь отговорить его, так что мы не можем встретиться, а когда встречаемся, то спорим, и я ничего не могу с этим поделать". Ван Яозу сказал беспомощно.

"Просто скажи все, что он хочет услышать, не так ли? Редко старик бывает счастлив, так почему бы не исполнить его желания? Ему нравится слышать, как люди хвалят великого князя, так что хвали его больше, дома, а не при дворе, почему ты должен бороться, чтобы быть краснолицым".

Слова Чжана достигли ушей Ван Яозу, и он также знал, что это так, но на самом деле сделать это было труднее, чем взобраться на небеса.

В этом отношении он унаследовал гены своего отца.

http://tl.rulate.ru/book/40305/1405332